

Отечественная история

УДК 94(470) 1954-1955

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-108-113

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДВОРЫ МОСКВЫ КАК ОСОБАЯ МОСКОВСКАЯ ОБЩНОСТЬ

Горлов В.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается период 1940–1950-х гг. В статье автор анализирует московский двор как социальный, пространственный и экологический феномен, породивший дворовую общность людей. Автор рассматривает московский двор с разных точек зрения: его функций в городе, человеческих отношений и т. п. Автор анализирует функцию социализации московского послевоенного двора, вызвавший к жизни феномен дворовой послевоенной общности, проблемы послевоенного двора в неразрывной связи с социальными процессами жизни.

Ключевые слова: дворовая послевоенная общность, московские дворы, соседская взаимопомощь.

POSTWAR MOSCOW YARDS AS A SPECIAL MOSCOW COMMUNITY

V. Gorlov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article deals with the period of 40-50-ies. The author analyzes the Moscow court as a social, spatial and ecological phenomenon from which a yard community of people arose. The author examines the Moscow yard from different angles: its functions in the city, human relationships, etc. The author analyzes the socialization function of postwar Moscow yard, which brought to life the phenomenon of the post-war yard community. Besides, the problems of the post-war yard are scrutinized in close connection with social processes of life.

Key words: postwar yard community, Moscow yards, neighbours' mutual support.

Содержание понятия «послевоенный московский двор» необходимо анализировать в единстве его функций: как пространственной формы организации социальной жизни, как структурного элемента системы градостроительства, как объекта архитектурного проектирования.

© Горлов В.Н., 2017.

После войны в Москве обычно квартал проектировался как отдельные группировки домов с замкнутыми двориками. Сопутствующими элементами были аркады, арки, стенки, ограды, беседки, декоративные скульптуры, цветочные вазы и т.п. Замкнутый периметр стен жилого квартала являлся средством создания благоприятного микроклимата, чётко фиксированное замкнутое пространство двора было соразмерно человеку. Московские дворы делали привлекательными следующие признаки: живописная кустарниковая и древесная растительность, оборудованность площадок малыми архитектурными формами, простая прямоугольная форма плана с четкими границами. Дворы обычно соединялись между собой с помощью сквозных проходов в домах, образуя своеобразную систему внутриквартальных пространств. Архитектурно-планировочная композиция послевоенных дворов восходит к классическим атриумным домам, в которых двор становился центром композиции дома.

Коммунальный послевоенный двор воплощал в себе взаимодействие системы социальных связей и архитектурно-планировочной структуры. Поэтому московский двор был ячейкой социума города. Размеры территории позволяли жильцам полностью контролировать эту среду. По месту жительства в те послевоенные годы формировалась устойчивая, социально активная общность москвичей, в которой больше всего ценилась взаимопомощь в повседневном быту. Таким образом, в первую очередь послевоенные дворы воспринимались как территории общения между жителями дома, и только во вторую очередь – для повсед-

невных хозяйственных нужд. Московский послевоенный двор становится социальным и пространственным феноменом, который обусловил зарождение дворовой общности москвичей. Московский коммунальный двор постепенно стал многофункциональной системой, выполняя не только хозяйственно-бытовую, рекреационную, но и защитную функцию, которая давала возможность обитателям двора чувствовать себя внутри двора достаточно непринуждённо и свободно, почти как дома, т.е. быть свободными как от семейных ограничений, так и от жёстких нормативов городской жизни. Двор отгораживался от внешнего мира, имея конкретную территорию, которую контролировал и защищал общественный характер её использования. Чувство безопасности и уюта возникало в то время на почве коллективной принадлежности к определённому месту, которым был, конечно, московский двор. Послевоенная дворовая среда создавала прекрасные условия для сближения граждан. Расцвет московского двора как социального явления приходится именно на послевоенное время, когда жизнь двора была неотделима от жизни в каждой квартире, каждой комнаты, обращенной во двор. Такой двор компенсировал коммунальную скученность москвичей. Безусловно, московский послевоенный двор был самым демократичным элементом города, в то время он был большим общим домом для совместно проживающих людей. В те годы для москвичей «своя» территория двора становилась объектом персонализации. Они воспринимали двор как расширение собственного жилища, идентифицируя себя с этой

средой. Самодеятельность москвичей создавала комфорт. В московских дворах жители сами строили палисадники, общие столики, беседки, скамейки, навесы, голубятни, столы для корма птиц, ухаживали за зеленью.

Сельский тип поведения в московском дворе (потребность быть в курсе всей деятельности соседей, стремление к активному общению) был вызван предметно-пространственной организацией жилой среды, исключавшей анонимность поведения. Между обитателями двора устанавливались свои законы поведения, взаимные соглашения о порядке использования территории. Эти особенности послевоенной поры вызывали спонтанный коллективизм, оказывали глубокое влияние на психологию жителей Москвы. Дворовое соседство долгое время выполняло функции деревенской соседской общины, основу которой составляла общность социальных интересов. Московский двор в то время выполнял функции социализации, вызвавший к жизни феномен дворовой послевоенной общности. Дворовое общение осуществляло социальные функции: социального контроля, взаимопомощи, воспитания детей. Двор стал вынужденно естественным продолжением дома, точно так же для сельского жителя таким местом общения была деревенская улица. Послевоенный двор для большинства москвичей стал неотъемлемой частью быта. Своеобразная дворовая субкультура сильно повлияла на формирование характера москвича, на его речь, язык, нормы поведения.

В создании уютных зон дворов большую роль играли декоративные ограды и фонтаны, которые необосно-

ванно во второй половине 1950-х гг. были причислены к «архитектурным излишествам». К сожалению, нашим вождям страстно хотелось быть похожими на Запад. Дело доходило просто до смешного. В 1959 г. глава государства Н.С. Хрущёв, вернувшись из поездки в «главную страну капиталистического мира», распорядился снимать ограды московских скверов и садов (тогда их было множество) и делать их похожими на лужайки перед американскими университетами. Не обсуждая, стали бесконтрольно ломать и сносить столетние и более старинные чугунные решетки. В конце 1950-х гг. в Москве началась кампания по снятию старинных металлических ворот. В результате, сейчас в центре Москвы буквально по пальцам можно сосчитать дома, где сохранились старые ворота. Обязательной приметой послевоенных московских дворов были голубятни. В 1940–1950-е гг. в Москве почти не было чердака, где не существовала клетка с турманами, которые далеко не всем были по душе. В 1960-е гг. московские власти добрались и до голубятен. Нынче в Москве от великого племени голубятников остались только воспоминания. Эти потери, конечно, сказались на облике московских дворов, ибо утрата таких элементов, как белокаменный пилон ворот, или голубятня, или звено старинной ограды, обедняли дворовую среду в целом.

С начала 1950-х гг. в Москве стало проводиться планомерное озеленение дворов. В Мосгорисполкоме возобладала установка высаживать вьющиеся растения, создавая живые изгороди. Жители Москвы умели рационально сбалансировать участки зеленых насаждений со свободными дворовыми

пространствами. Московские дворы становятся совершенно зелеными, летом из-за разросшейся зелени в московских дворах соседние дворы практически не было видны. Озелененный двор позволял максимально приблизить природу к жилью. В 1954 г. депутату Верховного Совета СССР И.А. Лихачеву пришло письмо от одного московского школьника: «Двор у нас совсем некрасивый. Слишком много цветов и зелени. Совсем негде в футбол поиграть. Кругом одни сплошные клумбы – разве это двор?»¹. В этом письме критикуются те качества дворовой среды, которые, бесспорно, являются сегодня очень ценными и представляют собой идеальный образ двора. В послевоенных дворах царил та атмосфера, по которой потом москвичи очень тосковали: очень редкие автомобили во дворах, буйство цветов под окнами.

О серьезности отношения властей к своим дворам можно судить по совету работников коммунального хозяйства города Москвы 17 июля 1956 г., где руководитель Куйбышевского района А.А. Сияненко отчитывался так: «В наших дворах три года назад находились кучи щебня, известковые ямы, – теперь устроены фонтаны, разбиты скверы, насыпные клумбы, разбиты газоны, оборудованы летние читальни и проведено много других мероприятий, за что наше домоуправление было награждено дипломом первой степени»².

В послевоенных дворах за всем хозяйством следил подотчетный НКВД

¹ Центральный архив общественно-политической истории (далее – ЦАОПИМ). Ф. 92. Оп.1. Д. 288. Л. 14.

² Центральный архив документальных коллекций Москвы. Ф. 62. Оп. 99. Д. 10. Л. 17.

управдом, который командовал стоярами, слесарями, дворниками. Управляющие домами (коменданты) следили за внешним видом и техническим состоянием зданий (крыш, балконов, карнизов, эркеров и т.д.) [3, с. 39]. Помимо мощного инструмента контроля в лице управдомов и домкомов, во дворах послевоенной Москвы существовал и институт дворников. Дворники подчинялись как начальнику отделения милиции, так и управляющему домом. Они имели свою униформу: бляху на груди, белый передник, валенки с галошами, свисток. Они были властью, настоящими комендантами двора и жили строго по уставу: выходили на пост по расписанию, несли дежурство и ровно в шесть часов вечера прибывали на развод в отделение милиции. После войны московские дворники составляли целую армию, количество которой в 1946 г. достигло более 60 тысяч человек³. Обычно дворники запирали ворота и входные двери подъездов с двенадцати ночи до шести утра и обязаны были немедленно сообщать о всех нарушениях участковому инспектору, нести ночные дежурства у подъездов и ворот [3, с. 448]. Поэтому во дворах было довольно спокойно и был порядок. Сельский патриархальный дух напоминал о себе криками точильщиков, зеленщиков, грузчиков, старьевщиков, которые утром будили всех. Все жильцы знали почтальонов, дворников, участковых милиционеров, которые воспринимались как жители двора. Двор без них становился не таким родным.

Безусловно, Великая Отечественная война наложила отпечаток на межличностное общение москвичей.

³ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 66. Л. 35.

Все были сопричастны к событиям в стране. Объединяла людей общая судьба и общая Победа, однородность быта и духовных потребностей. В это время очень важна была соседская взаимопомощь. Послевоенный двор формировал устойчивую привязанность к месту, где ты родился и вырос, поэтому любовь к Родине вырастала именно во дворе. Поэтому и говорили, откуда ты родом, по тому двору, где ты вырос: я – «сретенский», «таганский», «арбатский».

Послевоенный двор стал социокультурным явлением в жизни столицы, жизненным центром московской послевоенной жизни. Дворовая среда тех лет накладывала резкий отпечаток на моральный облик и мировоззрение москвича, играя важную роль в развитии навыков коллективизма москвичей, которые с раннего возраста приобретали критерии нравственности, ощущение причастности обществу. О послевоенном московском дворе восторженно отзывался поэт Андрей Вознесенский: «О, эти дворы Замоскворечья послевоенной поры! Двор был котлом, общиной, судилищем, голодным и справедливым» [1, с. 61].

После шумных московских дворов 1950-х гг., где утренняя зарядка раздавалась на весь двор, где по крышам носились голубятники с шестом, где с утра до вечера стояли шум и гам, где пенсионеры играли в сумерках в лото, где после работы взрослое население со страшным стуком забивало «козла», где пели под гармонию «Когда б имел золотые горы», «Кирпичики» и плясали «цыганочку», – сегодняшний двор кажется полностью вымершим. В теплые дни собирались жильцы, выносили табуретки, столы, раздували самовары.

Дух двора проявлялся в объединении людей разных профессий: учителя и врача, сапожника и инженера, ученого и рабочего. Как вспоминал Б.Ш. Окуджава [2, с. 8]: «Во дворах господствовал всеобщий дворовый патриотизм». В общении действовали обязательные нормы, и в случае возникновения конфликтов жильцы искали «разумные и мудрые решения». Коренные москвичи с ностальгией вспоминают цветущие дворы, где танцевали под патефон. Надо отметить, что танцы в послевоенные годы были не только в парках, но и во дворах (как пел Б.Ш. Окуджава, «Во дворе, где каждый вечер все играла радиолы, где пары танцевали, пыля...»).

Проблему московских дворов необходимо рассматривать, прежде всего, как социокультурную проблему. После того, как началось массовое жилищное строительство, осознание потерь, связанных с исчезновением традиционных московских типов дворов, всерьез не воспринималось. Данное исследование показывает, что московский послевоенный двор как специфическая функциональная единица столицы до разворачивания массового жилищного строительства очень органично вписывался в московскую культуру, являясь результатом длительной эволюции дворового пространства. С позиции средового подхода послевоенный московский двор представлял собой сложную социопрограммную структуру, для которой характерны только ей присущие типы жизнедеятельности, поведения, взаимоотношений между жильцами.

Бесспорно, что надо признать за послевоенными дворами, как формой организации придомового простран-

ства, определенную ценность, извлечь положительное из опыта бытования данной формы. Исчезновение московских дворов из градостроительной практики способствовало потере важного звена в структуре организации столицы, которое отвечало трудным реалиям послевоенной Москвы и очень помогало москвичам адаптироваться к этим реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознесенский А.А. На виртуальном ветру. М.: Вагриус, 1998. 480 с.
2. Окуджава Б.Ш. Меня воспитывал арбатский двор (Беседа с Михаилом Поздныевым) // Семья. 1988. № 3. С. 8–9.
3. О соблюдении общественного порядка и правил благоустройства в Москве (Сборник материалов Исполкома Моссовета). М.: Московский рабочий, 1958. 480 с.

REFERENCES

1. Voznesenskii A.A. Na virtual'nom vetru [In the virtual wind]. M., Vagrius, 1998. 480 p.
2. Okudzhava B.Sh. Menya vospityval arbatskii dvor (Beseda s Mikhailom Pozdnyaevym) [I was raised by an Arbat yard (Interview with Mikhail Pozdnyaev)]. *Sem'ya*, 1988, no. 3, pp. 8–9.
3. O soblyudenii obshchestvennogo poryadka i pravil blagoustroistva v Moskve (Sbornik materialov Ispolkoma Mossoveta) [On the observance of public order and rules of improvement in Moscow (Collection of materials of the Executive Committee of the Moscow Council)]. M., Moskovskii rabochii, 1958. 480 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the History of Russia and Moscow Region, Moscow Region State University; e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В.Н. Послевоенные дворы Москвы как особая московская общность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 108–113.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-108-113

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

V. Gorlov. Postwar Moscow yards as a special Moscow community. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 4, pp. 108–113.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-108-113